

УДК 159.9.072

О. В. Киселева¹, И. А. Агеева²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

²Кыргызско-Российский Славянский университет
ул. Киевская, 44, Бишкек, 720000, Кыргызстан

kiseleva_ov@inbox.ru; mars53_2001@mail.ru,

ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМЕЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДЫХ МУЖЧИН С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Статья посвящена исследованию семейной идентичности молодых мужчин с наркотической зависимостью как показателя субъективного образа принадлежности к семейной группе, отражающего характеристики семьи и функционирования в ней. Выборку исследования составили 28 молодых мужчин в возрасте от 18 до 30 лет с наркотической зависимостью, находящихся в реабилитационном центре «Берег надежды» г. Новосибирска и 29 студентов НГУ мужского пола в возрасте от 18 до 22 лет без наркотической зависимости. Выявлено, что субъективное представление о характере межличностных отношений в семьях лиц с наркотической зависимостью отличается недифференцированными границами между подсистемами, нарушением распределения власти в семье, отсутствием полноты восприятия семейной системы, дистанцированием с отцом, а также искаженным восприятием реальности семейных взаимоотношений.

Ключевые слова: семейная идентичность, аддиктивное поведение, системный подход, системная семейная терапия, идентифицированный пациент.

Проблема наркотической зависимости у подростков и молодежи продолжает оставаться актуальной, несмотря на предпринимаемые усилия по ее преодолению помогающих специалистов разного профиля. Более того, за последние несколько лет возникла угрожающая

Киселева О. В., Агеева И. А. Характеристики семейной идентичности у молодых мужчин с наркотической зависимостью // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 95–109.

тенденция роста зависимости от радикально новых психоактивных веществ (ПАВ), так называемых «дизайнерских наркотиков», приобретаемых в качестве альтернативы «традиционным», к числу которых относят и синтетические каннабиноиды («Спайс») [Шахова, 2016]. В связи с этим наряду с проведением профилактических мероприятий, поиск эффективных методов диагностики и психотерапии наркотической зависимости остается важной задачей для психологов и других помогающих специалистов.

Теоретико-методологической основой представленного исследования стали положения системного семейного подхода в психологии и психотерапии [Варга, Хамитова, 2005]. Поскольку роль семьи в становлении клинических проявлений аддиктивных расстройств и в реабилитации зависимых от психоактивных веществ признается в настоящее время большинством отечественных и зарубежных специалистов [Браун, Кристенсен, 2001; Варга, Хамитова, 2005; Эйдемиллер, Юстицкис, 2009; Эйдемиллер, Медведев, 2012], многие исследователи видят психологические корни зависимости именно в семье, в нарушении межличностного взаимодействия между родителями и детьми, причем это касается как химических, так и нехимических зависимостей. В частности, при изучении наркомании О. П. Макушина отмечает, что семья может выступать как фактор: 1) формирования преднаркотической ситуации; 2) фиксации психологической зависимости от наркотиков; 3) продолжения приема наркотиков; 4) эффективности терапевтической и реабилитационной работы [Менделевич, Макушина, 2003; Макушина, 2011].

Как отмечают Э. Г. Эйдемиллер и М. Ю. Городнова [2002], семейная терапия все больше входит в практику лечения и реабилитации самых различных заболеваний, опираясь на парадигму системного подхода в медицине и биопсихосоциальную модель заболевания и здоровья человека. При этом семейная психотерапия в наркологии, имея свои особенности, развивается и следует общим тенденциям психотерапии вообще и семейной психотерапии в частности [Практикум..., 2010].

С точки зрения системной семейной терапии человек с наркотической зависимостью («идентифицированный пациент») является выражением неблагополучия семейной системы в целом [Эйдемиллер, Юстицкис, 2009; Практикум..., 2010; Эйдемиллер, Медведев, 2012]. Надо сказать, что изменение в функционировании семьи может способствовать редукции симптома или симптоматического поведения у носителя симптома. Однако, как отмечают специалисты, привлече-

ние членов семьи к проведению реабилитационных мероприятий нередко становится сложной задачей ввиду проявления у них защитного поведения и сопротивления [Симонова, 2001; Практикум..., 2010]. В связи с этим важным в процессе психотерапевтических мероприятий является использование методов диагностики семьи с целью первичного построения общего представления о семье наркозависимых, ее членах, характере функционирования и межличностных отношениях.

В представленной работе основное внимание мы сосредоточили на исследовании переживания своей принадлежности к семье, т. е. семейной идентичности молодых людей с наркотической зависимостью. Американский психотерапевт Н. Аккерман под семейной идентичностью понимал содержание и направленность ожиданий, стремлений, ценностей, а также тревог и проблем адаптации, которые разделяют члены семьи или взаимодополняют ими процессы выполнения ролей в семье [2007]. Н. В. Лукьянченко рассматривала семейную идентичность «как субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, эмоционально-оценочном и когнитивном аспектах» [2010]. Именно на последнее определение семейной идентичности мы и будем опираться в процессе нашего исследования.

На сегодняшний день существуют работы, посвященные изучению некоторых аспектов семейной идентичности у представителей различных социальных групп. К примеру, в своей работе И. Ю. Хитрина исследовала соотношение личной и семейной идентичности [2008]. Автор предложила рассматривать дисбаланс личной и семейной идентичности как одну из особенностей кризисного развития семьи. Отсутствие границ между ребенком и родителями приводит к тому, что у него не формируется собственное «Я», происходит подмена личной идентичности идентичностью семейной. Привыкнув хотеть того, что для него хотят родители, он, вырастая взрослым, оказывается не в состоянии жить самостоятельно. Возможен и другой вариант: если интересы и желания ребенка – закон для его родителей, и, следовательно, они приносят в жертву собственную идентичность ради обеспечения наиболее благоприятных условий для развития идентичности ребенка. В связи с чем он остается неспособным к формированию отношений близости с другими людьми, основанной на понимании и учете интересов других.

В проведенных исследованиях также показаны особенности семейной идентичности представителей различных социальных групп:

заклученных женщин, имеющих малыша в доме ребенка исправительного учреждения; мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах; супругов на этапе перехода молодой семьи к зрелой; подростков из семей различного типа; и др. [Гротевант и др., 2000; Лукьянченко, 2010; Лукьянченко, Новикова, 2011; Аликин и др., 2012; Строкова, 2017].

Помимо этого психологи выделяют различные направления изучения семейной идентичности в психологии. Так, С. С. Строкова в своих исследованиях пишет о трех основных подходах к пониманию и, соответственно, исследованию семейной идентичности [2017]. Первый подход строится на исследованиях групповой идентичности в целом и характеризуется ее пониманием как четырехстатусной модели описания себя в каком-либо групповом контексте (Э. Эрикссон, Дж. Марсиа, В. Р. Орестова). Второй подход к описанию и специфике исследования семейной идентичности предполагает понимание семейной идентичности как субъективного образа семьи, представленного различными аспектами (О. А. Минеева, Н. В. Лукьянченко). Третья группа методов исследования семейной идентичности отражена в работе А. М. Ерри и коллег (А. М. Ерр, L. L. Price), которые, основываясь на определении Беннетта, предлагают исследовать множество характеристик семейной идентичности.

В проведенном исследовании мы использовали второй подход, описывая семейную идентичность через субъективный образ семьи и представления о характере взаимоотношений в ней. Следует отметить, что на сегодняшний день имеются аналогичные работы, в которых изучалась субъективная картина мира, а также образ отца и матери у взрослых с зависимостью от ПАВ [Васильева, Молин, 2015]. В связи с чем цель исследования – дополнение существующих представлений о семейных аспектах функционирования у молодых мужчин с наркотической зависимостью посредством изучения их семейной идентичности.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что у молодых мужчин с наркотической зависимостью отмечают: идеализированные представления о характере взаимоотношений в их родительской семье; нарушения представлений о распределении власти и границах между семейными подсистемами; а также тенденция к дистанцированию с отцом.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 28 молодых мужчин в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст $24,2 \pm 5,04$) с наркотической зависимостью, находящихся в наркологическом ре-

абилитационном центре «Берег надежды» г. Новосибирска. Период употребления наркотических веществ у них составляет от 2 мес. до 18 лет (средний стаж употребления 6 лет 7 мес. \pm 5,6). У 39 % (11 чел.) данной группы был поставлен диагноз сочетанной зависимости от алкоголя, опиоидов, психостимуляторов и синтетических каннабиноидов, 61 % (17 чел.) употребляли только синтетические каннабиноиды (курительные смеси, «Спайс»). Периоды ремиссии колебались от 1 мес. до 1 года и 7 мес. В качестве контрольной группы для участия в исследовании были привлечены 29 студентов мужского пола Новосибирского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет (средний возраст 21,2 \pm 1,2). В общем, в исследовании приняли участие 57 молодых мужчин. Все участники исследования не состояли в гражданском браке и не сожительствовали на момент проведения исследования. Далее по тексту исследуемые молодые мужчины с наркотической зависимостью будут обозначены как **1-я группа**, молодые мужчины без наркотической зависимости – **2-я группа**.

Методика. В данном исследовании были использованы анкетирование, психодиагностический и статистический методы. Разработанная нами авторская анкета позволила собрать информацию относительно состава семей, социального статуса родителей и особенностей воспитания. Для оценки микросоциального климата в семьях исследуемых групп был использован опросник «Шкала семейного окружения» – Family Environment Scale (FES), R. H. Moos (1974), адаптированный С. Ю. Куприяновым (1974) [Эйдемиллер, Медведев, 2012]. Также мы воспользовались проективным тестом «Семейная социодиаграмма», позволяющим выявить положение субъекта в системе межличностных отношений и характер коммуникаций в семье (В. Юстицкис, Э. Г. Эйдемиллер, 1999) [Эйдемиллер, 2010]. Статистический анализ данных осуществлялся с помощью лицензионного пакета программ IBM SPSS Statistics 22. Достоверность различий между группами устанавливалась с помощью углового преобразования Фишера и U-критерия Манна – Уитни.

Результаты и их обсуждение. Сбор информации о социально-статусных характеристиках семей исследуемых групп позволил нам сопоставить полученные в ходе психодиагностики результаты с объективными критериями исследуемых семей. Согласно собранным данным, достоверно значимые различия в исследуемых группах были получены в отношении социального статуса родителей и характеристик семейного окружения. Участники исследования из 2-й группы до-

стоверно чаще воспитывались в полной семье ($\varphi = 2, 291; p < 0,05$), и их родители состоят в браке ($\varphi = 1, 268; p < 0,05$), в то время как представители 1-й группы достоверно чаще воспитывались в неполной семье ($\varphi = 3, 435; p < 0,01$), их родители чаще вступали в повторные браки ($\varphi = 2, 253; p < 0,05$), либо их матери воспитывали детей без мужа ($\varphi = 1,268; p < 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1

Анализ ответов на вопросы авторской анкеты в группах 1 и 2 (%)

Характеристика семьи	1 группа ($n = 28$)	2 группа ($n = 29$)	Критерий Фишера (φ)	p
Родители состоят в браке	50	75	2,053	$< 0,05$
Родители разведены	36	21	1,268	$> 0,05$
Родители состоят в повторном браке	29	7	2,253	$< 0,05$
Вдова (вдовец)	21	7	1,623	$> 0,05$
Воспитывался в полной семье (мать, отец)	43	72	2,291	$< 0,05$
Воспитывался матерью и отчимом	29	14	1,389	$> 0,05$
Воспитывался в неполной семье (только мать)	36	3	3,435	$< 0,01$
Воспитывался у бабушки с дедушкой	4	14	1,43	$> 0,05$

Полученные данные подтверждают результаты ранее проведенных исследований, в которых отмечается, что воспитание в неполных семьях может служить предпосылкой формирования отклоняющихся форм поведения у детей [Браун, Кристенсен, 2001; Аккерман, 2007; Эйдмиллер, Юстицкис, 2009; Терехина, 2010]. Структура базисных семейных ролей и границы между подсистемами в неполных семьях, как правило, могут быть нарушены, что может привести к дисфунк-

ции семьи и формированию симптоматического поведения у ее членов.

Нелишне будет отметить, что в семье с позиции системного подхода развод сопровождается кардинальными изменениями на всех уровнях ее функционирования, в том числе перестройкой семейной структуры. Все эти изменения находят отражение в трансформации соответствующих субъективных представлений, как бывших супругов, так и детей [Браун, Кристенсен, 2001; Терехина, 2010]. Повторный брак родителя может сочетаться с неопределенностью семейной принадлежности детей. Лояльность кровным родителям может сочетаться с неудовлетворенностью отношениями с мачехой или отчимом. И наоборот, лояльность мачехе или отчиму сопутствует нелюбови к кровному родителю, не проживающему с ребенком. Дети могут полагать, что их нелюбовь к отчиму или мачехе обидит проживающего с ними родителя. Во всяком случае, для ребенка крайне важно продолжать поддерживать контакт с кровным родителем, не являющимся его официальным опекуном. Сложные и конфликтующие между собой роли в смешанной семье приводят к специфическим для этой системы эмоциональным проблемам. Все члены приходят в такую семью с чувствами вины и утраты, и неспособностью конструктивно разрешить данные эмоциональные проблемы, что может послужить предпосылкой к формированию отклоняющегося поведения у ее членов.

Полученные данные с помощью теста «Семейная социограмма» показали, что нарушение границ между подсистемами достоверно выше в 1-й группе ($\varphi = 2,08$; $p < 0,05$) (табл. 2). Это позволяет предположить, что в семьях молодых мужчин с наркотической зависимостью может существовать проблема, связанная с распределением ответственности. Родительская подсистема должна быть защищена от вмешательства детей, а также от других взрослых внутри и вне семьи. В случае нарушения этих границ ребенок нередко может считать, что отвечает за действия одного из родителей, и тогда он пытается во всем его контролировать либо берет на себя груз ответственности одного из родителей, что является для него непосильным грузом [Минухин, Фишман, 1999; Браун, Кристенсен, 2001; Эйдемиллер, Юстицкис, 2009; Практикум..., 2010]. Возможна и другая ситуация, когда родители полностью лишают ребенка ответственности за его действия и поступки, принимая за него все решения, и тогда ребенку ничего не остается, как избрать для себя путь аддиктивной самореализации.

Таблица 2

Показатели шкал проективного теста
«Семейная социограмма» в двух группах (%)

Критерий	1-я группа (n = 28)	2-я группа (n = 29)	Критерий Фишера (φ)	p
Нарушение в рисунке границ между подсистемами	86	62	2,08	< 0,05
Изображение «Я» больше остальных кружков	7	31	2,423	< 0,01
Изображение «Я» меньше остальных кружков	14	3	1,529	> 0,05
Изображение своего кружка в центре и большим по размеру	21	28	0,544	> 0,05
Помещение себя внизу, в стороне от других кружков	14	3	1,529	> 0,05
Отсутствие изображения матери на рисунке	14	3	1,529	> 0,05
Отсутствие изображения отца на рисунке	36	3	3,443	< 0,01
Наслоение кружков один на другой	29	62	2,589	< 0,01
Изображение членов семьи в одну линию	36	3	3,443	< 0,01

Характер отображения себя большим кружком по сравнению с остальными членами семьи, изображенными кружками меньшими по размеру, позволяет говорить о том, что самооценка молодых мужчин из 2-й группы достоверно выше ($\phi = 2,423$; $p < 0,01$). Как показано в исследованиях М. С. Радионовой и И. М. Вяльцева, неадекватность и несформированность «Я-концепции» может являться

причиной наркотизации. Вместе с тем неадекватность «Я-концепции» может произойти вследствие изменений личности в процессе наркотизации [2004]. Заниженная самооценка также может быть предпосылкой вовлечения в асоциальные группы, в которых употребляются наркотические вещества. Не видя одобрения в кругу значимых лиц, дети и подростки могут вовлекаться в подобные группы, получая в них определенное внимание, необходимое для поддержания своей самооценки [Реан, Коломинский, 1999].

Отсутствие изображения отца на рисунке достоверно выше в 1-й группе ($\varphi = 3,443$; $p < 0,01$). На наш взгляд, это объясняется тем, что представители данной группы чаще воспитывались в неполных семьях без отца. Согласно основным положениям системного подхода, исключение какого-либо члена из семейной системы нарушает ощущение полноты и целостности «Я» и снижает способность индивида добиваться поставленных целей в жизни и может способствовать формированию аддиктивного поведения [Варга, Хамитова, 2005; Практикум..., 2010].

У представителей 2-й группы при изображении членов семьи достоверно чаще круги соприкасаются друг с другом ($\varphi = 2,589$; $p < 0,01$). Это может говорить о наличии тесного психологического контакта между членами семьи. Подобная близость в отношениях может служить источником поддержания эмоциональной стабильности и поддержки в трудных жизненных ситуациях, что не наблюдается в семьях молодых мужчин с наркотической зависимостью.

Также в 1-й группе достоверно чаще члены семьи изображались в одну линию ($\varphi = 3,343$; $p < 0,01$). Данный признак свидетельствует о недостаточно дифференцированных отношениях между членами семьи и, возможно, нарушении распределения власти в семье. В семейной системе власть обычно отражает способность индивида или подсистемы выполнять свои функции, и в случае образования межпоколенных коалиций между одним из родителей и ребенком, к примеру, власть второго родителя в отношении других детей может быть нарушена. Дисфункциональное распределение власти в семье ведет к еще одной проблеме, а именно нарушению способности отдельных членов семьи реализовывать собственный потенциал развития. Более того, семья, стремящаяся оградить своего взрослеющего ребенка от превратностей жизни, лишает его возможности получить собственный опыт и обрести власть над окружающим миром [Браун, Кристенсен, 2001] (табл. 3).

Таблица 3

Средние показатели по шкалам проективного теста
«Семейная социограмма»
(дистанция с отцом и матерью на рисунке) в двух группах

Критерий	1-я группа (<i>n</i> = 28)	2-я группа (<i>n</i> = 29)	Критерий U-Манна – Уитни	<i>p</i>
	<i>m</i> ± <i>σ</i>			
Расстояние между «Я» и изображением матери	1,02 ± 1,11	1,41 ± 1,61	348	> 0,05
Расстояние между «Я» и изображением отца	1,66 ± 1,42	1,07 ± 1,52	188	< 0,05

У представителей 1-й группы по результатам данного теста было выявлено увеличение дистанции по отношению к отцу ($U = 188$; $p < 0,05$). Скорее всего, это связано с тем, что большинство испытуемых данной группы воспитывались в неполных семьях или с отчимом. В литературе отмечается, что для семей пациентов с наркотической зависимостью характерны близкие отношения между матерью и сыном, которые сочетаются холодностью со стороны отца [Аккерман, 2000]. Отцы в подобных семьях реже демонстрируют гиперответственность по отношению к детям, чаще же они проявляют различные варианты отклоняющегося поведения: чрезмерную жестокость и агрессивность либо отстраненность и безучастность. Нередко отцы в этих семьях сами подвержены алкоголизации [Браун, Кристенсен, 2001].

Полученные данные, представленные в табл. 4, позволяют говорить о том, что представители 1-й группы описывают отношения в своих семьях как способствующие независимости и самоутверждению ($U = 268$; $p < 0,05$), а также ориентированные на достижения в различных областях деятельности (учебе, работе и пр.) ($U = 264$; $p < 0,05$), уважающие этические и нравственные положения ($U = 275$; $p < 0,05$). Это позволяет нам предположить, что представление о меж-

личностных отношениях в своих семьях у участников данной группы достаточно идеализированное.

Таблица 4

Средние показатели по шкалам опросника
«Шкала семейного окружения» (ШСО) в двух группах

Критерий	1-я группа (<i>n</i> = 28)	2-я группа (<i>n</i> = 29)	Критерий U-Манна – Уитни	<i>p</i>
	<i>m</i> ± <i>σ</i>			
Сплоченность	5,43 ± 1,57	4,97 ± 2,63	381	> 0,05
Экспрессивность	5,57 ± 1,26	5,41 ± 1,70	385	> 0,05
Конфликт	5,00 ± 1,85	4,69 ± 2,63	402	> 0,05
Независимость	5,21 ± 1,03	4,52 ± 1,15	268	< 0,05
Ориентация на достижения	4,79 ± 1,69	3,86 ± 1,41	264	< 0,05
Интеллектуально- культурная ориентация	3,93 ± 1,98	4,62 ± 2,27	327	> 0,05
Ориентация на активный отдых	5,57 ± 2,55	4,41 ± 2,41	392	> 0,05
Морально- нравственные аспекты	6,07 ± 1,25	5,41 ± 1,30	275	< 0,05
Организация	5,57 ± 1,87	5,34 ± 2,44	396	> 0,05
Контроль	4,21 ± 1,60	4,45 ± 1,50	356	> 0,05

Возможно, это связано с действием механизмов психологической защиты, направленных на поддержание стабильной самооценки и связанных с отрицанием существования каких-либо проблем в реальности, а может быть, с желанием иметь полноценную семью. Как отмечает Е. Симонова по результатам своих клинических наблюдений в работе с наркозависимыми и их семьями, отрицание с течением болезни становится автоматическим, эго-синтонным, сам индивид (или семья) остается в неведении относительно определенных вполне очевидных аспектов внешней реальности, которые, в случае их признания, переносились бы болезненно [Anderson, 1981; Симонова, 2001].

Заключение. Подводя итоги проведенному исследованию, отметим, что диагностика семейной идентичности молодых мужчин с наркотической зависимостью может послужить одним из шагов в программе их реабилитации. Как показали полученные результаты, субъективное представление о характере межличностных отношений в семьях лиц с наркотической зависимостью отличается недифференцированными границами между подсистемами, нарушением распределения власти в семье, отсутствием полноты восприятия семейной системы, дистанцированием и нарушением коммуникаций с отцом, а также искаженным восприятием реальности семейных взаимоотношений на фоне действия механизмов психологической защиты. Названные показатели могут выступать в качестве мишеней в психотерапевтической работе с наркозависимыми и членами их семьи.

Список литературы

Аккерман Н. Роль семьи в появлении расстройств у детей // Семейная психология. Хрестоматия / Сост. Э. Г. Эйдемиллер, Н. В. Александрова, В. Юстицкис. СПб.: Речь, 2007. С. 228–244.

Аккерман Н. Теория семейной динамики // Семейная психотерапия / Сост. Э. Г. Эйдемиллер, Н. В. Александрова, В. Юстицкис. СПб.: Питер, 2000. 12 с.

Аликин И. А. Семейная идентичности заключенных женщин, имеющих малыша в доме ребенка исправительного учреждения: общее и типическое / И. А. Аликин, Н. В. Лукьянченко, Е. А. Новикова // Вестн. МГУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 4. С. 64–72.

Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. СПб.: Питер, 2001. 352 с. .

Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 137–146.

Васильева Н. Л., Молин А. Г. Особенности субъективной картины мира у взрослых с зависимостью от ПАВ // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 173–184. Doi:10.17759/exppsy.2015080315.

Гротевант Г. Идентичность приемного ребенка: влияние семейной обстановки и социального окружения на ее формирование / Г. Гротевант, Н. Данбар, Дж. К. Колер, И. Лэш, М. Ами // Familyrelations, oct. 2000. Vol. 49. Iss. 4. P. 379–388.

Лукьянченко Н. В. Семейная идентичность мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах // Вестн. МГУ. Серия «Психологические науки». 2011. № 4. С. 37–43.

Лукьянченко Н. В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. С. 283–294.

Лукьянченко Н. В., Новикова Е. А. Особенности семейной идентичности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 78–85.

Макушина О. П. Склонность к различным аддикциям в современной семье // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 111–122.

Менделевич В. Д., Макушина О. П. Специфика взаимосвязей наркотической и алкогольной зависимостей подростков с характером их отношений с родителями // Наркомания и общество: пути решения проблемы: Материалы науч.-практ. конф. Казань, 2003.

Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии. М.: Смысл, 1999.

Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы: Учеб. пособие для врачей и психологов / Под ред. Э. Г. Эйдемиллера. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2010. 425 с.

Радионова М. С., Вьяльцева И. М. Особенности «Я-концепции» наркозависимых // Психологическая наука и образование. 2004. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyedu/2004/n1/Radionova.shtml>.

Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. 416 с.

Симонова Е. Некоторые особенности психотерапии семей с химической зависимостью // Московский психотерапевтический журнал, 2001. № 3. URL: https://psyjournals.ru/files/22755/mpj_2001_n3_Simonova.pdf.

Строкова С. С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 3. С. 8–22.

Строкова С. С. Семейная идентичность подростков из семей различного типа // Психология и право. 2017. № 1 (7). С. 34–52. Doi: 10.17759/psylaw.207070104.

Терехина С. А. Представления о родительской семье у детей из разведенных семей // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». 2010. URL: http://psyjournals.ru/kochenovskie_chteniya_2010/issue/41370_full.shtml.

Хитрина И. Ю. Соотношение личной и семейной идентичности в семьях, переживающих кризисы развития // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология. 2008. Т. 2, вып. 1. С. 41–44. URL: <http://www.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/2542>.

Шахова С. М. Психологические особенности подростков, характеризующихся систематическим чрезмерным употреблением каннабиоидов // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2016. № 2 (16). URL: <http://psychildhealth.ru/2016-02.pdf>.

Эйдемиллер Э. Г., Городнова М. Ю. Состояние и перспективы семейной психотерапии в реабилитации наркозависимых подростков / Под ред. Л. П. Рубиной, И. В. Макарова. СПб., 2002. С. 11–15.

Эйдемиллер Э. Г., Медведев С. Э. Аналитико-системная семейная психотерапия при шизофрении. СПб.: Речь, 2012. 207 с.

Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2009.

Anderson D. J. The Psychopathology of Denial // Professional Education 1981. No. 9.

Материал поступил в редколлегию 05.08.2017

O. V. Kiseleva¹, I. A. Ageeva²

¹ *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Kurguz Russian Slavic University
44 Kievskaya Str., Bishkek, 720000, Kyrgyzstan*

kiseleva_ov@inbox.ru; mars53_2001@mail.ru,

CHARACTERISTICS TO A FAMILY IDENTITY AT YOUNG MEN WITH NARCOTIC DEPENDENCE

The article is focused on the research of the family identity of young men with drug addiction. The family identity is indicated as a subjective perception of belonging to a family group, reflecting characteristics of the family and its functioning. The research sample was selected with 28 young men from 18 to 30 years old with drug addiction, who were on reha-

bilitation in the special center «Bereg nadejdy» (Novosibirsk) and 29 male students of Novosibirsk State University from 18 to 22 years old without drug addiction. As a result it has been revealed that the subjective idea of the character of the interpersonal relations in the families of the persons with drug addiction is characterized with the undifferentiated borders between the family subsystems, the violations of the distribution of the power in the family, the incomplete perception of the family system, distancing from the father and the distorted perception of the reality of the family relationship.

Keywords: family identity, addictive behavior, systems approach, systemic family therapy, identified patient.